

6 АВГ 1976

ЧЕРНОМОРСКАЯ ЗДРАВНИЦА
Г СОЧИ

ТЕАТР

ИГРАТЬ — КАК ЖИТЬ

ТАК уж устроен зритель, что от любого, даже самого «архиклассического» спектакля он ждет ответа на какие-то свои собственные вопросы. Попросту говоря, ждет связи со своим временем. Иначе театр неинтересен.

Наши гости, артисты Куйбышевского государственного театра оперы и балета, начали гастроль в Сочи именно таким «архиклассическим» спектаклем — оперой Верди «Аида».

Тема «Аиды», как знает читатель, не замыкается рамками многострадальной любви. Она значительно шире. У нее есть социальная подоплека: извечный конфликт личности с моральными нормами классического общества. Неважно — будет ли то конфликт с советом жрецов или с современным судом, конгрессом, парламентом... Дело не в названии. Дело в сути. А суть в том, что всегда, во все века было страшно, когда общественные догматы с неумолимой жесткостью обрушивались на судьбу человека. Под чугунной тяжестью таких догматов оборвалась любовь Ромео и Джульетты. Не состоялось личное счастье Онегина и Печорина. Оказалась заживо замурованной в безмолвной могиле светлая, как слеза, чувств Аиды и Радамеса.

В этом смысле спектакль современен. Ибо вечная тема не подвластна времени, не подвластна конъюнктуре — она волнует человека сегодня столь же глубоко и искренне, как и тысячу лет назад.

Уже первым своим спектаклем на сочинской сцене куйбышевцы заявили о себе как о весьма интересном, высокопрофессиональном творческом коллективе. Немалая роль в такой оценке принадлежит ор-

кестру, которым дирижирует заслуженный деятель искусств РСФСР Л. Оссовский, и великолепным декорациям, выполненным талантливыми художниками Т. и И. Старженецкими.

...Думаю, что к самым крупным удачам спектакля следует отнести исполнение ролей дочери фараона Амнерис (П. Губская) и верховного жреца Рамфиса (В. Капишников). Вообще-то трудно с математической точностью объяснить, почему тебе нравится тот или иной актер. Куда легче сказать, почему не нравится. Это как в любви: попробуй объяснить, за что ты любишь... И все же постараюсь сделать сейчас хотя бы попытку анализа.

Если б меня спросили, хорошо ли пела Амнерис, я, честное слово, признался бы: не знаю. Не помню. То есть, в принципе, разумеется, помню сам голос, его тембр, окраску, но разве дело в этом, вернее, только ли в этом, когда речь идет о счастье и о страдании человека?.. Ну, а будь «Аида» не оперой, а драмой, и играл Губская свою Амнерис на сцене драматического театра — хорошо ли бы она сыграла?.. Тоже не знаю... Парадокс? Нет, никакой не парадокс. Просто есть актеры (и в этом могущество театра), которые не играют и не поют, а живут на сцене — живут если не плотно, то умом и сердцем того, в кого надлежит им перевоплотиться сегодня.

Вот так Губская: она не пала и не играла роль Амнерис, она просто была ею на протяжении трех часов спектакля и осталась в памяти зрителя дочерью фараона на много-много дней. Осталась в памяти страдающей женщиной, и я, зритель, слушатель, меньше

всего думаю о том, какими средствами искусства она добилась искренности своего страдания, а думаю лишь о том, за что и почему выпала человеку такая судьба.

То же — Рамфис. Не думаю сейчас о средствах, которыми лепил образ верховного жреца артист В. Капишников. Вспоминаю лишь леденящий душу холод, когда он обращался на суде к Радамесу, да невольно говорю сам себе: «Господи, избавь в самый тяжкий час от такого суда»... Это уже та сила искусства, которая заставляет думать не о театральной сцене, а о жизни, в которой отпущен свой век каждому из нас.

Вот ежели с такой меркой подходить к актерскому труду, то в спектакле не все окажется ровным. Главные герои Аида (Г. Усенкова) и Радамес (А. Дорофеев) — они, как бы это сказать поточнее... статичны, что ли? Да, пожалуй так. Статика в однообразии жестов. В определенном стереотипе выражения эмоций. И даже, как это ни странно прозвучит, в четком соблюдении условностей оперного жанра, заставляющих актера вести себя на сцене так, а не иначе. Но в том-то и дело, что страстные взгляды влюбленного Радамеса и сложенные в мольбе (по сценарию) руки Аиды заставляют нас в антракте скорее рассуждать о степени

актерского мастерства, чем думать о судьбе героев...

И все же не об этом хочется сейчас говорить. Не о том, кто лучше пел и кто лучше играл... А о том, какое восприятие, какой общий эмоциональный заряд оставила в душе и сердце зрителя работа куйбышевского театра.

По-моему, это был заряд высокого накала. И сужу я об этом не только по букетам цветов и не по аплодисментам, которыми так щедро одарил переполненный зал актеров. А по тому, что и сегодня, через несколько дней после спектакля, думаю о героях «Аиды» как о живых людях, как о своих современниках.

Л. РЫЖКОВ.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля. Фото В. ТИМОШЕНКО.